

*Ноне, которая за мной наблюдала
«Эвви Дрейк все начинает сначала» —
это художественное произведение. Имена персонажей,
места и события — вымышлены и являются
исключительно плодом воображения автора.
Любое сходство с реальными событиями, местами
или людьми, живыми или мертвыми,
совершенно случайно.*

Пролог

«Уходи сейчас или не уйдешь никогда», — как мантру повторяла про себя Эвви.

Как же ей не хотелось быть здесь, особенно когда он возвращался с работы! Конечно, она осознавала всю трусость подобных мыслей, но как же ее угнетала возможность снова оказаться в том жутком хаосе, который он устраивал! Ее буквально душила эта атмосфера, и сам Тим это понимал. Он частенько говорил, что уход Эвви без предупреждения не стал бы для него сюрпризом. Но это только на словах. На самом же деле даже после стольких лет отношений он все еще не перестал бы удивляться, почему она ушла именно сейчас. Хотя, если потрудиться поглубже вникнуть в ситуацию, можно было бы понять, что приближается своеобразный юбилей — Эвви провела с ним почти половину своей жизни. Она уже давно прикинула, на какой период будет приходиться этот рубеж. А потом выбрала наиболее подходящий день и обвела его красным на своем настенном календаре. А Тим даже не заметил новой отметки! Эвви чувствовала, что если она пропустит этот день, то начнет медленно таять и становиться кем-то другим, теряя саму себя.

Эвви открыла багажник своей «Хонды» и засунула толстый конверт с наличными в бардачок. Конечно, это могло показаться излишеством и глупостью. Не думала же она, что Тим пойдет на то, чтобы заблокировать кредит-

ные карты или закрыть счета в банке! Но в ее жизни было много таких решений «на всякий случай». А вдруг окажется, что она знает Тима не достаточно хорошо! Вот тут-то купюры и могут пригодиться. И это вполне реально — она уже не первый раз спотыкается, пытаясь предсказать его поступки.

Эвви вошла в дом и вытащила из шкафа в прихожей потертый синий чемодан с жесткими стенками и обилием наклеек — ПАРИЖ, ЛОНДОН. Легко спустившись по ступенькам, она проследовала к своей машине. Отзвук ее шагов по тротуару почему-то показался ей забавным и заставил улыбнуться. В наступившей затем тишине было хорошо слышно, как пустой чемодан звучно задребезжал, когда она решительно запихнула его на заднее сиденье автомобиля.

Ей нужно было забрать из дома еще кое-что, но вместо этого она скользнула на переднее сиденье. Захлопнув дверь, с закрытыми глазами откинулась на подголовник. «Черт возьми, я действительно ухожу!» Она понимала, что через несколько часов окажется в каком-нибудь из мини-отелей с их колючими покрывалами и разношерстной сетью кабельных телесетей. Эвви живо представила себе, как она купит бутылку вина или даже несколько, завалится в самую середину огромной кровати и будет не спеша потягивать вино и целыми вечерами запоем читать, иногда двигая пальцами ног. Но потом ей вдруг стало интересно, а что она будет делать завтра, послезавтра... Долго размышлять не было времени, поэтому она глубоко вздохнула и вышла из машины забрать остальные вещи. И уже шла по дорожке к подъезду, когда зазвонил ее мобильный.

Резкая мелодия звонка — сильное металлическое арпеджио, звучащее как электрическая арфа, — всегда немного пугала ее. По звуку Эвви поняла, что это звонок из больницы в Камдене, где Тим иногда принимал пациен-

тов. Вообще Эвви не хотелось говорить с ним, но сейчас ей нужно было знать, вернется ли он домой рано или как обычно.

— Алло?

— Я могу поговорить с Эвелет Дрейк?

«Это не Тим!»

— Это Эвви, — ответила она вслух.

— Миссис Дрейк, меня зовут Коллин Маршалл. Я медсестра из больницы в Камдене. Звоню, потому что около получаса назад доктора Дрейка привезли в нашу больницу. Он попал в аварию.

Эвви показалось, что стук сердца отзывается в кончиках ее пальцев. В первый миг ей захотелось сказать медсестре, чтобы та звонила родителям Тимоти, потому что она, Эвви, только что ушла от него.

— О боже, — произнесла она вместо этого. — С ним все в порядке?

Повисшая пауза показалась ей мучительно долгой. Она услышала, как на заднем плане вызвали врача.

— Он сильно пострадал. Вы должны подъехать как можно скорее. Вы знаете, где мы находимся?

— Да, — выдохнула она. — Я буду там, э-э ... минут через двадцать.

Руки не слушались Эвви, когда она набирала сообщение для Энди. «Тим попал в аварию. Состояние тяжелое. В больнице Камдена. Ты можешь передать это моему отцу?»

Повернув ключ в замке зажигания, она съехала с дорожки перед домом и направилась в Камден. Уже позже, сопоставляя время звонков и записи в бумагах, она поняла, что Тим умер, похоже, в тот момент, когда она ждала зеленого у светофора на Чисхолм-стрит, всего в квартале от церкви, где они когда-то поженились.

Осень

Глава 1

Эвви долго лежала без сна на полу в темноте в небольшой пустой квартире, которая неловко выступала блоком во двор в задней части ее дома. Она спустилась туда в надежде развеять неприятный сон, в котором Тим был все еще жив.

Бабушка Эвви, которая по происхождению была скандинавкой, утверждала, что молодые женщины часто видят во снах мужей, которых хотят иметь в жизни. Старые женщины грезят во сне о мужьях, которые хотели бы их. И только самые удачливые женщины, те, что посередине, видят во сне мужей, которые у них уже есть. Но Эвви не подходила ни под одну из этих категорий. Ее сны о Тиме никак не укладывались в скупую бабушкину классификацию.

Тим в ее снах всегда злился на нее за то, что она ушла. «Ты видишь, что произошло?» — повторял он снова и снова. На этот раз он был так близко, что она чувствовала его дыхание, ароматизированное жевательной резинкой, видела маленькую жилку на его лбу. Эвви боялась засыпать, не желая снова встречаться с ним. Поэтому решительно сбросила одеяла и вышла из комнаты. Когда Эвелет спустилась по широкой изогнутой лестнице, ей казалось, что она в тиши ночи пробирается к стойке регистрации отеля за дополнительными полотенцами. Этот дом всегда был слишком большим, а теперь казался ей просто огромным. Она зашла на кухню, поставила чайник на газ, затем про-

следовала в гостиную и растянулась прямо на ковре, ожидая сама не зная чего.

Когда они только купили этот дом, точнее, когда *он* купил дом, они планировали сдавать квартиру в аренду, но так и не «созрели» для этого. Эвви покрасила стены квартиры в свой любимый оттенок павлиньего синего и уединялась в ней. Ей казалось, что квартира так и останется ее любимым местом в доме... если только призрак Тима не начнет преследовать ее там. Эвви ничуть не удивится, если, когда она заснет, появится ее муж, просто чтобы сказать, что он заметил несколько маленьких пузырьков на окрашенной стене. И, конечно, он тут же добавит, что все будет выглядеть намного лучше, если она переделает это место.

«Хорошо, — подумала она про себя, когда эта мысль впервые пришла ей в голову. — Добро пожаловать в самый омерзительный комедийный клуб штата Мэн. Вот вам небольшая шутка о том, что даже призрак моего мужа — еще тот придурок. И о том, что я — настоящее чудовище».

Было чуть больше четырех утра. Лежа на спине в футболке и трусах-боксерах, Эвви ритмично дышала, пытаюсь унять пульсирующую боль в висках, животе и запястьях. В доме было пусто и совершенно тихо, если не считать стука часов, которые уже тридцать пять лет ритмично отбивали время. Сначала на кухне ее родителей, а теперь и на ее собственной кухне. В этой темной квартире она почти ничего не чувствовала, если не считать покалывания ворсинок ковра. Небытие какое-то! Эвви прикрыла глаза, и вдруг ей показалось, что она лежит прямо на земле.

Время от времени Эвви думала о том, чтобы переехать сюда насовсем. И пусть кто-то другой завладеет этим домом, этой большой кухней и спальнями наверху, резными перилами и скользкой лестницей, где она, однажды поскользнувшись, получила темно-фиолетовый синяк на бедре. А она могла бы жить здесь, вот так растягиваться на

ковре в темноте и обдумывать все свои худшие мысли, поедая бутерброды с арахисовым маслом и слушая радио.

На кухне засвистел чайник, и она встала, чтобы снять его, а затем достала из шкафа одну из приметных кружек — для сбора пожертвований от Общественного радио. Другая такая кружка осталась у стенки, тускло отсвечивая тонким слоем пыли на перевернутом дне. Этикетка на чайном пакетики с ромашкой гласила: «Нет такой проблемы, которую не могла бы разрешить хорошая чашка чая»*. Наверное, именно так выразился бы истинный джентльмен из аббатства Даунтон, если бы уронил себе на ногу тяжелую книгу.

С чашкой чая в руках Эвви прошла в гостиную и свернулась калачиком на темно-зеленом диване. Из стопки корреспонденции на кофейном столике торчал *Sports Illustrated*** , который выписывал Тим. Она пролистала журнал при тусклом свете, попадавшем из кухни. Завершение бейсбольного сезона, начало футбольного сезона, последние новости о гимнастке из колледжа, собиравшейся стать врачом. И даже профиль питчера *Yankees*, который однажды проснулся и понял, что больше не может подавать мяч. Эта статья шла под крупным, жирным заголовком: «Как поехать крышей».

— Отпустить ее подальше впереди себя, — пробормотала она и сунула журнал в самый низ стопки.

Часы на коробке кабельного телевидения показывали только 4:23 утра. Она закрыла глаза. Прошел уже почти год с тех пор, как Тим умер, а она все еще не могла ничего поделаться с собой. Немного выручали текущие дела, не

* *There is no trouble that a good cup of tea can't solve* — игра слов. — «Нет такой проблемы, которую бы не растворила хорошая чашка чая».

** *Sports Illustrated* — американский еженедельный спортивный журнал.

дававшие ей времени скучать по нему. Стены этой комнаты, как ничто другое, знали, каково это жить с человеком, которого не любишь, но держать это в строгой тайне. Если бы тогда, слушая его легкий храп, она могла знать, как скоро его последняя ночь! «Чудовище, чудовище, — укоряла она в своих мыслях не то его, не то себя. — Чудовище, чудовище».

Глава 2

— Лилли вылила молоко на пол, — проговорил Энди, делая глоток кофе. — И у меня неприятности с ее воспитателем.

Традиционные субботние завтраки Энди и Эвви в кафе «Компас» начались четыре года назад, когда Энди развелся, и с тех пор никогда не прекращались. Это случилось еще при жизни Тима. Некоторые мужья могли бы возражать против таких встреч, но не Тим. «У меня полно работы, так что, пока ты не жалуешься ему на меня, мне все равно», — говорил он.

Энди обычно заказывал омлет с ветчиной и сыром, а Эвви — блинчики с черникой, кусок бекона и большим стакан апельсинового сока. Они выпивали, по меньшей мере, два кофейника за воспоминаниями о прошедшей неделе. Незаметно для них кафе наполнялось народом, а затем пустело. Парочка оставляла щедрые чаевые, с интересом глазела на туристов и отвечала местным жителям, охотно справлявшимся о дочерях Энди. А в течение последнего года Эвви заметила, что некоторые люди вытягивают шею, стоя на вежливом удалении, словно оценивая, как она переносит смерть мужа. «Наверное, они считают, что я должна безвылазно сидеть дома, прижимая к груди любимую рубашку Тима», — иронически думала она.

— А почему Лилли выплескивает молоко на пол?

Лилли была младшей дочерью Энди, и Эвви знала, что она недавно пошла в детский сад.

— Хороший вопрос. Воспитательница говорит, что она просто вылила его на пол, вдруг совершенно неожиданно крикнув: «Молоко — это растопленный йогурт!»

Представив себе полное ярости личико Лилли, Эвви невольно улыбнулась.

— Кажется, я понимаю, откуда у нее эти мысли, — высказалась она.

— Их педагог сказала мне, что отправит ее на перевоспитание домой. «Тайм-аут» называется, — продолжил Энди. — Я сказал, что эта идея мне нравится, и она добавила: «Было бы хорошо последить дома за уважением...» — «Уважением к вам», — уточнил я, а она ответила: «Да, но еще и... к собственности». Мне думается, что мы говорили о том, чтобы научить ее уважению к молоку, — продолжил рассказ Энди. — А иначе что же еще она могла хотеть от меня? Что это за «уважение к собственности»?

— Чистый капитализм... — заверила Эвви.

— Возможно. В любом случае, я поработаю над тем, чтобы научить Лилли уважать своего воспитателя. И еще молоко.

— Почтение к молоку? — пошутила Эвви. — Реверанс перед молоком?

— Нет. — Энди отодвинул чашку с кофе, чтобы получить новую порцию от Марни, молодой мамы с фиолетовой полоской в волосах, которая уже в течение нескольких лет была их постоянным официантом. — Я должен сказать тебе, что Лилли в детстве была очень вредной, но почему, я не знаю. Удивительно, как она еще любила меня при всей ее вредности. На днях я заехал за ней, а она кричит: «Папа! Обними меня!» Кричит громко, как обезьяны-ревуны. Наверное, не стоило думать об этом так, словно она...

— Джерри Орбах*.
— Из «Грязных танцев»? — нахмурился Энди.
— Из сериала «Закон и порядок»!
— Ах да, Джерри Орбах, — замешкался заботливый отец. — Я хотел сказать, что она упрямая, и это, конечно, здорово. Но я не хочу вытаскивать ее из тюрьмы, когда ей исполнится девять.

Эвви снова улыбнулась и попыталась пошутить:

— Жду не дождусь, когда Лилли войдет в подростковый возраст.

— Но она же может переехать к тебе.

— О, нет. Начнутся циклы, повсюду лифчики, она начнет водить мальчиков, а я живу одна.

— Ну, это... пока одна, — возразил Энди. — Я хотел спросить тебя: ты все еще думаешь о сдаче квартиры в аренду?

— Конечно, почему бы нет, — ответила Эвви, прожевав кусочек бекона.

— Ты ведь сейчас не пользуешься квартирой, верно?

— Ну, разве что для того, чтобы лежать на полу и среди ночи размышлять о своем горестном существовании.

Энди перестал жевать, и его брови поползли вверх.

— Шучу. — Сказала она, решив, что он все равно не поймет, только будет зря волноваться. — Я давно не была там.

— Знаешь, это как оставить деньги на столе и уйти. Ну, с финансовой точки зрения, — пояснил Энди. Его логика была безупречной. Возможно, он сейчас искал подвох в словах Эвви.

— Наверное, ты прав, — с некоторым подозрением кивнула она.

* Джером Бернارد Орбах, более известный как Джерри Орбах — американский актер, сыгравший детектива Ленни Бриско в сериале «Закон и порядок», а также несколько других ролей в бродвейских мюзиклах.

— Не наверное, а точно, — многозначительно произнес Энди. — Твой рукав в сиропе.

Она промокнула липкую точку на манжете своей рубашки.

— Ты хочешь, чтобы я сдала квартиру кому-то конкретно? Ты что, выселяешь Роуз* так скоро?

— Ха! — начал Энди без всякой улыбки на лице. — Конечно нет! Я думаю, что детям должно быть не меньше десяти, прежде чем они смогут быть полностью независимыми.

Он сделал глоток кофе.

— Кстати, пока я не забыл. У Роуз через неделю танцевальный вечер и она попросила меня передать тебе одну просьбу. Она хотела бы, чтобы ты пришла и сделала ей прическу и, главное, косы.

Роуз было всего семь лет, но она уже не доверяла отцу не то что завить волосы, а даже сделать поделку для школы — машинку из спичечного коробка.

— Она обо всем подумает, — добавил Энди. — А на днях она перестала называть меня «папа», теперь только «отец». Совсем как в «Маленьком домике в прериях»**.

— Но ведь отец и папа это одно и то же, — недоуменно нахмурилась Эвви.

— А ты подумай еще раз. Кого зовут отцом?

— Священника, — выпалила Эвви, — и еще капитана фон Траппа***.

* Старшая дочь Энди.

** «Маленький домик в прериях» — длительный американский телесериал, рассказывающий о семье, живущей на ферме в Уолнат-Гров, штат Миннесота, в 1870-х и 1880-х годах.

*** Барон Георг Людвиг фон Трапп — офицер Военно-морских сил Австро-Венгрии. Самый результативный австрийский подводник Первой мировой войны. Был дважды женат, отец десятирех детей. На истории его большой семьи основан мюзикл «Звуки музыки».

— Так я могу передать Роуз, что ты придешь? — настойчиво уточнил Энди.

— Конечно, — согласилась Эвви. — А теперь скажи мне, кого ты хочешь спрятать в моей квартире.

— Ну, хорошо. У меня есть друг, который несколько месяцев будет в городе, и он ищет место, где жить.

— Друг? — удивилась Эвви. — Это кто-нибудь, кого я знаю?

— Мой друг Дин.

От этой новости ее глаза раскрылись еще шире.

— Тот самый бейсболист Дин?

Она знала, что один из друзей Энди был питчером*, но никогда с ним не встречалась.

— Уже нет, — вздохнул Энди. — Он недавно закончил спортивную карьеру, а сюда приедет, чтобы немного успокоиться и насладиться нашим бесподобным морским воздухом.

— Я постоянно забываю, что профессиональные спортсмены уходят на пенсию на десятилетия раньше других людей. Ему едва за тридцать? И он уже получает пенсию. Очень мило!

— Все немного сложнее. Ты бы наверняка все знала, если бы я не забирал у тебя выпуски *Sports Illustrated*.

— Я все равно не стала бы их читать, — призналась Эвви. — Кстати, в доме лежит еще один номер.

— Я видел, — усмехнулся он. — Именно в нем есть фото Дина.

— Постой. — Она щелкнула пальцами. — Бейсболист Дин. А не он ли поехал крышей? Так, кажется, выразились журналисты.

* Питчер — в бейсболе это игрок, который бросает мяч с питчерской горки к дому, где его ловит кэтчер и пытается отбить бэттер.

Энди удивленно уставился на нее.

— Дин не поехал крышей. Он потерял руку. Нет, не в том смысле, что остался без руки, у него их две. Он потерял свой коронный бросок. А так он абсолютно нормален.

— Да что с ним такое?!

— Ну хорошо, давай я объясню тебе так. Он был очень хорошим питчером, а потом вдруг стал очень плохим питчером. Почему... понятия не имею.

В этот момент у их стола остановилась Диана Марстен. Она управляла хозяйственным магазином «Эстер», который располагался в аттике и раньше принадлежал ее матери. Диана часто обедала в «Компасе» по субботам вместе с мужем, а иногда и в компании своей маленькой собачки Зигги, которая постоянно норовила ткнуться во что-нибудь своим крошечным носом.

— Доброе утро, — поприветствовала подошедшая женщина их обоих.

— Привет, Диана, — ответил Энди. — Как дела?

— Грех жаловаться, — прозвучало в ответ.

Но Эвви по опыту знала, что это неправда. Меж тем Диана повернулась и положила руку ей на плечо:

— Рада тебя видеть, Эвви.

Эвви бросила взгляд на Энди и немного напряженно улыбнулась.

— Спасибо, Диана. Я тоже рада вас видеть.

Диана начала с нескольких новостей о соседях с их «бочкачками», вежливо называя их «проблемами», затем заговорила о своих проблемах, а потом пошла наслаждаться французскими тостами. Эвви вздохнула.

— Она заботится о тебе, Эв.

— Я понимаю. Но все это... так тяготит. Стоит мне появиться на улице, как она говорит, что я подхватил простуду. А если я стану оставаться дома, она решит еще, что я сижу дома и горюю.

Последние слова Эвви почему-то произнесла шепотом.
— Но она же сказала, что рада тебя видеть, — возразил Энди.

Эвви покачала головой:

— Все это не более чем сочувствие. Все эти похлопывания по руке, тихий голос. Через пару недель в клинике намечается посадка деревьев, и тогда все будет еще хуже. Все будут просто смотреть и ждать, когда я заплачу.

— Ты не должна плакать. Все и так знают, как сильно ты его любила.

На самом деле знали далеко не все. Например, не знал Энди.

— Я не понимаю, — пожала плечами Эвви. — Никто не жалеет Тессу Васко за то, что ее муж умер, и она по-прежнему ходит на все вечеринки.

— Так Тессе Васко девяносто два года.

— Ну и что?

— А то, что тебе не девяносто два и тебе не нужны ходунки или кислородный баллон, чтобы пойти в продуктовый магазин.

Вытирая рот, Энди на мгновение замолчал, а потом продолжил:

— Не буду говорить много, скажу лишь еще, что Тесса до сих пор занимается акваэробикой.

— Откуда ты это знаешь?

— Просто моя мама тоже занимается акваэробикой. И ей всего шестьдесят девять. Так что сравнение с ней будет для тебя менее болезненным.

— Все в порядке. Это был неудачный пример, — махнула рукой Эвви.

— Так я могу вернуться к попыткам арендовать у тебя квартиру? — спросил Энди.

Эвви окинула взглядом ресторан и задумчиво уставилась на Энди.